

ТЫ БЫ ПОШЁЛ С НИМ В РАЗВЕДКУ?

Дмитрий Верин-Галицкий,
учитель хабаровской школы № 32, руководитель
детского туристического объединения «АРГО»

**Давно смолкли залпы орудий,
Над нами лишь солнечный свет, —
На чём проверяются люди,
Если войны уже нет?**

**Приходится слышать нередко
Сейчас, как тогда:
«Ты бы пошёл с ним в разведку?»
Нет или да?»**

В.С. Высоцкий

Свою учительскую работу я люблю, кроме всего прочего, за возможность говорить о ценностях с теми, кто слушает, кто пытается разобраться в себе и в запутанном окружающем мире — с детьми.

Как часто взрослые говорят с детьми о ценностях? Как часто мы вместе с ними ищем ответы на вечные вопросы о дружбе, любви, честности, чести, верности, предательстве, добре, зле? Поднимите руки те учителя, которые это делают вне уроков литературы, истории и «воспитательных мероприятий», т.е. повседневной школьной жизни. Задаём ли мы сами себе эти вопросы? И вообще, с каким багажом, кроме своих школьных предметов, мы идём к детям?

У каждого времени свои ценности, свои приоритеты. Невозможно навязать современным школьникам то, чем жили их родители в семидесятые и восьмидесятые годы. Да и не нужно этого делать. Слишком многое будет искусственно, а следовательно, нежизненно. Но есть ценности, которые живут во все времена.

Ещё не так давно одной из наивысших оценок человеческих качеств было утверждение: «Я бы пошёл с ним в разведку». Почему именно в разведку, а не в поездку по другим городам и даже не в поход? Почему качества, которые человек должен проявлять в разведке — столь значимы? Людям среднего и старшего поколения это не надо объяснять. Но многие молодые люди, чьё детство связано с девяностыми годами двадцатого века, а юность — с началом нового тысячелетия, не понимают эту фразу.

«Я бы пошёл с ним в разведку» — фраза из нашего прошлого советского периода, и используется она уже очень редко. Но есть ли аналог этой метафоре в сегодняшнем языке? Давайте попробуем разобраться.

Что для меня значит человек, о котором говорят: «Я бы пошёл с ним в разведку».

- Человек прежде всего надёжный (надёжность — очень ёмкое понятие, которое достаточно сложно охарактеризовать в двух словах, для меня — это человек, который не предаст, не бросит в беде, поделится последним куском хлеба, всегда придёт на помощь, рядом с которым как за «каменной стеной»...).
- Человек, который честен, правдив, смел.
- Человек с сильной волей, тот, кто несмотря ни на что будет стремиться к достижению цели, сжимать зубы, но идти вперёд.
- Человек выносливый, тот, кто может длительное время выполнять физически монотонную и энергозатратную работу.
- Человек физически сильный (этот пункт я поставил последним, поскольку подчас не большая физическая сила определяет возможности человека, а скорее его воля и выносливость).

В марте 2007 года в лыжном походе детского туристского клуба «Арго», которым я руковожу (<http://klub-argo.fromru.com/>), одним из участников был мальчик, ученик девятого класса, совершенно нормального для своего возраста телосложения, коммуникабельный. Самый обычный. В его опыте было уже два многодневных похода: один летний водный поход-сплав, другой — осенний пешеходный. Буквально на второй день похода парень «сдался».

Здесь следует несколько слов сказать о том, что наши детские лыжные спортивные походы требуют немало сил, так как маршрут зачастую проходит среди гор, большого количества снега, по которому надо прокладывать себе лыжню. А если мокрые наледи на реках, которые чередуются со снежными полями? Результат: обледеневшие лыжи даже пластиковые, не говоря уж о деревянных. А если камни, около которых снег рыхлый и глубокий? А если стланик, когда непонятно, куда лучше поставить ногу (с лыжей или без неё) — на снег между ветвей, или на сами ветви, и как потом на них, балансируя с рюкзаком за плечами и лыжными палками в руках, удержаться и сделать шаг дальше? А если густой лес с завалами поваленных деревьев?..

Так в чём проявилось то, что я называю «сдался»? Сказать, что ему стало трудно, значит ничего не сказать. Трудно было всем.

Но кто-то проходил через это испытание с улыбкой, несмотря на то, что поткатился градом и руки-ноги отваливались, а кто-то... Тяжёлый рюкзак, глубокий снег, не самые хорошие лыжи — всё было поводом для плохого настроения, для того чтобы происходящее казалось «просто отвратительным». Препятствие было протяжённое (наледи, преодоление участка леса с завалами и пр.) и постоянное нгытё этого парня для тех, кто был рядом с ним, делало его ещё более сложным. По долгу «службы» мне или кому-то из взрослых находиться рядом всё равно приходилось, да ещё и произносить какие-то слова, чтобы парень не сломался совсем, чтобы как-нибудь, но шёл. Реакция на просьбы старших и распоряжения руководителя... Скорость реагирования на эти просьбы и распоряжения... Всё оставляло желать лучшего. Хотя прежде этого не было. Или не замечалось.

По завершении похода в поезде дети в письменном виде отвечали на вопрос: что я вынес для себя из этого похода? Этот мальчик написал:

«Во-первых, я слаб физически, но это не самое страшное (можно и накачаться).

Во-вторых, слаб морально. Придя в туризм год назад, я думал, что группа — это больше, коллектив, который стремится, допустим, куда-то прийти, приплыть, взойти и т.д. Я думал, что группа — это сплочённые люди, на которых можно положиться во всём. Грубо говоря: руководитель папа, все остальные как братья и сёстры. Оказалось совсем не так. Я понял, что в этой жизни каждый сам за себя и ни на кого нельзя положиться, к сожалению, даже в походе. И это стало причиной, по которой я первый раз в жизни сильно в чём-то разочаровался. В общем, всё отвратительно».

К моему большому огорчению, он не увидел очень многих вещей, происходя-

Д.В. Верин-Галицкий

Уважаемый Владислав Иванович.

Одна из проблем современной школы заключается в том, что учителя сознательно или бессознательно боятся поднимать вопросы о ценностях, прячась за содержанием своих школьных предметов. Так удобно, а главное безопасно. Боятся, ибо не уверены в том, что являются *значимыми взрослыми* для своих учеников. И это вполне объяснимо. Ведь отношение учеников к учителю во много определяется отношением к нему государства и общества. Возможно, в Москве положение учителя-бюджетника лучше, чем во всей остальной большой стране, где у него не жизнь, а существование. Не может нищий учитель быть для современных детей значимым человеком. И надо иметь очень мощный потенциал, чтобы невзирая ни на что говорить с ребёнком о ценностях и говорить так, чтобы его услышали.

Мне близка метафора «Я бы пошёл с ним в разведку» по разным причинам. Во-первых, потому, что много лет занимаюсь детским спортивным туризмом. И мне приходилось вместе с детьми попадать в очень серьёзные ситуации (проявление самых разных стихий и т.д.). Во-вторых, считаю очень важной проблему гендерного воспитания: что делает школа, чтобы мальчики выросли мужчинами, а не существами, не знакомыми с качествами человека, с которым можно идти в разведку? Конечно, делает мало, потому что рядом нет нормальных мужиков, на которых им хотелось бы быть похожими.

А обсуждать проблему ценностей надо, только не на уровне полунаучного словоблудия. *Учитель должен разговаривать с ребёнком, и о ценностях в том числе. Другой вопрос, как он это делает. Если на классном часе под названием «Ценности», то лучше не стоит. Но если искренне верит в то, что говорит, и живёт сам по тем же правилам, то разговор в болтовню не превратится, его будут слушать, и возможно услышат (пусть не все, но кто-то да услышит).*

Владислав Иванович, вы легко пишете о том, что:

«...Это же только на практике проверяется... В совместном действии... Поэтому я

за туристические походы, совместные вылазки в горы, командные спортивные игры, совместную тяжёлую работу... Но против сочинений на эту важную тему...»

Владислав Иванович, сколько в вашем ближайшем окружении учителей, которые ходят с детьми в походы и т.д.? Я очень сомневаюсь, что много. А вот учатся в школе почти все дети. Только вопрос, является ли для них школа действительно Школой?

С.М. Возчиков, Главное управление образования Департамента социальной политики Чукотского автономного округа, главный специалист

Дмитрий, мне кажется в двух описанных ситуациях (поход и контрольная) есть одно ключевое различие. Природа — это *всерьёз*, хоть для взрослого, хоть для подростка. Там «гамбургский счёт».

Школа — *это игра, придуманная взрослыми и для взрослых*. Причём с произвольно меняющимися правилами. А дети очень точно чувствуют фальшь (я, разумеется, не про Вас, а про школьную реальность). И отношение у них соответственное. Тут уважение к конкретному Вам провзаимодействовало с общим пофигизмом.

Д.В. Верин-Галицкий

Уважаемый Сергей Михайлович! То, что Вы называете «общим пофигизмом», это как раз то порочное, что есть в нашей системе образования на всех уровнях. Принимать это как данность? Я не хочу. И говорить об этом с детьми я буду. Боятся мне нечего, ниже учительского стола и доски с мелом мне не упасть. Кому-то это может показаться и неправильным. Но у меня так. Я не приемлю фальши и неискренности

в отношении с детьми. Просто задаю вопросы. На какие-то ответы находим, какие-то пока остаются без ответов...

С.М. Возчиков, Главное управление образования Департамента социальной политики Чукотского автономного округа, главный специалист

Уважаемый Дмитрий Вячеславович! Давайте попробуем присмотреться к ситуации.

Согласен с Вами, но с небольшим уточнением, пофигизм — следствие «того порочного...». Но... принимать данность как данность или не принимать данности всё равно — она есть. Смириться с ней, или попробовать изменить данность — выбор каждого. Вы пытаетесь изменить — честь Вам и хвала (без капли шутки). Влияет ли эта деятельность на отношения с коллегами? С администрацией? И ещё одно — нужно ли каждый день ходить в разведку? Кстати, я вполне солидарен с В.И. Редюхиным, который пишет об опасности подобных обсуждений.

О.О. Чебан, Кемеровский профессионально-технический колледж, преподаватель информатики

Дмитрий Вячеславович!

Согласен. Роль учителя сегодня возрастает неимоверно, в том числе и с подачи одностороннего и меркантильного государства. В итоге мы опять на перепутье. Либо мы поддадимся искушению лживой и якобы спокойной жизни, либо будем смотреть правде в глаза и корректировать ту самую жизнь (т.е. нашу с вами), направлять её на единственно верный путь — к процветанию каждого, а не группы зарвавшихся чинуш... Действительно, давайте поменьше общих слов, а побольше реальных дел. Поход с детьми — это как раз одно из реальных дел. Конечно, не надо взывать на баррикады, но нужно помочь молодому человеку стать

более устойчивым. А сделать это можно, только опираясь на базовые ценности, причём в любой ситуации и независимо от их происхождения, будь то конфуцианство, христианство и т.д.

Д.В. Верин-Галицкий

Уважаемый Олег Олегович! Как мне кажется, Вы и ответили на самый главный вопрос всего нашего обсуждения. В том-то всё и дело, что если человек исповедует базовые ценности, то они станут основой его поведения, основой принятия каких-то решений. Если они прочны, то помогут устоять под воздействием внешней среды. А как они пришли к человеку, неважно: от значимого человека, из школы, из книг, от собратьев по вере, если такие есть.

Уважаемые коллеги! Текст «Ты бы пошёл с ним в разведку?» появился не вдруг. И те вопросы, которые я в нём задаю читателю и самому себе, давно меня волнуют, как человека и как учителя, много лет работающего с детьми. Те качества, которыми, по моему мнению, должен обладать человек, «с которым я бы пошёл в разведку», воспитываются в детстве. Да ведь это качества нормального мужчины. Нормального! И никакого призыва на баррикады! А приведённые примеры это всего лишь иллюстрация того, что у многих современных мальчиков нет даже зачатков этих качеств (как хочется сейчас ошибаться!), что списывание на уроке — это не обман, а норма, потому что «так все поступают». И ни тени сомнения. А не сомневаются они потому, что не заложили мы в них эти самые базовые ценности, про которые сейчас говорим.

В том же походе среди детей был ещё один мальчик. Самый младший в группе. Ученик седьмого класса. В моей многолетней практике это был первый случай, когда семиклассник пошёл в подобный лыжный

поход. Да не просто пошёл! В период подготовки это был первый мой помощник. В школьных мастерских он возвращал к жизни старые лыжные крепления (к сожалению, наша школьная нищета не позволяет использовать то снаряжение, которое есть сегодня в продаже, с другой стороны, снаряжение, сделанное собственными руками, более ценно, а сам процесс работы над ним учит многому). Он готовил лыжи, из кашо и капроновой ткани изготавливал бахилы, шил, клепал — в общем работал руками. Он делал то, за что не каждый взрослый брался в своей жизни. Он ждал этот поход, но совершенно не представлял, что его ожидает, потому что такого опыта у не было.

В самом походе было по-разному. Иногда мне приходилось показывать ему своё недовольство. Один раз в весьма резкой форме. Ну, действительно, один промах за другим. Я просто руками разводил. Наверное, это был не его день. Такое бывает. В дальнейшем подобного не повторялось. И наоборот, появились инициативы, понимание того, как всё должно происходить, а главное — действия. Те, которые должны были быть.

В рефлексии, отвечая на вопрос: «Что я вынес из этого похода?», этот мальчик написал:

«В походе я понял очень многое: что надо иметь уважение к другим людям, что все мы находимся в одинаковых условиях, что есть свои правила обитания, что не надо

ШКОЛА И ВОСПИТАНИЕ

халтурить, надо заниматься делом, а не стоять в сторонке, «курить» и заниматься прочими ненужными делами. Так, например, когда встаём вечером на лагерь, надо сначала приготовить дрова на костёр, поставить палатку, затем наколоть дров на печку, а потом уже всё остальное».

В последние дни похода я просто любовался, глядя на то, как он работает на постановке лагеря. Да и на маршруте он был не из последних, а ведь самый младший!

Чувствуется, мужичок растёт!

Чем дальше и дальше от нас Великая Отечественная война, тем меньше остаётся того смысла, который закладывался в фразу «Я бы пошёл с ним в разведку».

Какими же метафорами, словами и с каким смыслом в XXI веке будут определять Человека?

Умеем ли мы сами сжимать зубы, закрывать глаза и прорываться вперёд? Сможем ли мы в трудной ситуации прикрыть того, кто рядом?

А можно ли со мной идти в разведку? В чём я силен? В чём я слаб?

Вопросов больше, чем ответов ■

В ЭЛЕКТРОННОЙ ВЕРСИИ ЖУРНАЛА

Социально-педагогическая работа в Московском государстве (XIV-XVII вв.)

Владимир Беляев, профессор Педагогической академии последипломного образования, доктор педагогических наук

Автор исследует письменные источники этого периода и делает выводы о социальных нормах и ценностях, которыми руководствовались в воспитании молодёжи взрослые, родители, государственные и духовного звания деятели.